НОВАЯ КНИГА.
ЖИВОЕ ПРЕДАНІЕ.
Православіе въ современности.
Цѣна 30 франковъ.
«ВОЗРОЖДЕНІЕ»

Литература и искусство

НОВАЯ КНИГА.
СОЧИНЕНІЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.
Юбилейное изданіе Пушкинскаго Комитета
подъ редакціей М. Л. Гофмана.
Цѣна въ коленкор. переплетѣ 55 франк.
«ВОЗРОЖДЕНІЕ»

Литературная лѣтопись

«ЗВѢЗДА» И «ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННИКЪ»

[illegible] послились слухи, что «Звѣ[illegible] 1937 года подтвердились [illegible] качество печатаемаго [illegible] и увеличить форматъ. По первому номеру, недавно полученному въ Парижѣ, пожалуй, было бы нѣсколько опрометчиво судить, оправдались ли слухи, но [illegible] журнала, дѣйствительно увеличился и въ его содержаніи какъ будто намѣчается нѣкоторое улучшеніе. Правда, матеріалъ для этого перваго номера, несомнѣнно, подготовлялся давно и съ особой тщательностью, потому что вся книжка — юбилейная, посвященная Пушкину. Но она, въ самомъ дѣлѣ, кажется намъ болѣе удачной, чѣмъ, напримѣръ, такая же юбилейная книжка «Литературнаго современника». По совѣсти говоря, въ ней уже то хорошо, что нѣтъ тыняновскаго «Пушкина», до такой степени пригнанного по душѣ и совѣтской, и эмигрантской улицѣ.

Лучшая вещь въ «Звѣздѣ» — отрывокъ изъ біографіи Пушкина, принадлежащій перу Святополкъ-Мирскаго. Отрывокъ изображаетъ періодъ съ 1817 по 1820 г., какъ указано въ подзаголовкѣ, а въ дѣйствительности нѣсколько большій періодъ, такъ какъ захватываетъ уже нѣкоторыя событія послѣдующихъ годовъ, до 1823 включительно. Святополкъ-Мирскій — писатель несомнѣнно даровитый, но на рѣдкость неровный и перемѣнчивый. Намъ все болѣе кажется, что эта перемѣнчивость у него похожа на капризъ или, быть можетъ, истерію. Самое совѣтофильство его, несомнѣнно, носитъ характеръ барской причуды и, можетъ быть, проистекаетъ изъ того психофизическаго упадка, который нерѣдко поражаетъ позднихъ отпрысковъ аристократіи. Года три тому назадъ, въ ту пору, когда онъ еще только старался акклиматизироваться въ совѣтской печати, Святополкъ-Мирскій невѣрно оцѣнилъ положеніе дѣлъ (точнѣе сказать — не предусмотрѣлъ, какой оборотъ всякорѣ примутъ дѣла) и разразился въ «Литературномъ наслѣдствѣ» довольно гнусной статьей, въ которой трактовалъ Пушкина какъ объ эксплоататорѣ и подхалимѣ. Это не прошло ему даромъ. Ему объяснили вполнѣ отчетливо, что теперь на Пушкина надо смотрѣть, какъ на великаго національнаго поэта и стойкаго борца съ самодержавіемъ. Святополкъ-Мирскій тотчасъ извинился, съ граціознымъ простодушіемъ объяснивъ свой поступокъ именно тѣмъ, что онъ не зналъ, въ какую сторону дуетъ вѣтеръ. И вотъ, теперь пишетъ онъ біографію Пушкина, нѣсколько перегруженную политическою тенденціей, но въ высшей степени почтительную. Главнымъ его обличителемъ нѣкогда былъ Георгій Чулковъ, тоже принявшійся было за пушкинскую біографію (она печаталась въ «Новомъ мірѣ»). Но Чулковъ бездаренъ, а Святополкъ-Мирскій талантливъ. Онъ разомъ заткнулъ за поясъ своего обличителя, далеко превзойдя его въ методологической выдержанности, освѣдомленности, чувствѣ исторіи, а главное — въ простотѣ и дѣловитости, которыя суть неотъемлемыя достоинства его біографіи (мы, разумѣется, можемъ судить только о напечатанномъ въ «Звѣздѣ» отрывкѣ, снимая съ себя отвѣтственность за курбеты, которыхъ отъ Святополкъ-Мирскаго всегда можно ожидать).

Въ порядкѣ нѣкоей повинности пришлось высказаться о Пушкинѣ не только историкамъ и литературовѣдамъ, но и беллетристамъ, — въ СССР такъ же, какъ у насъ. Беллетристы мыслятъ образами — разсужденія общаго характера рѣдко имъ удаются. Получаются у нихъ общія мѣста, тенденціозно окрашенныя соотвѣтственно обстановкѣ, — родъ мелодекламаціи. Опять-таки, мелодекламація Константина Федина въ «Звѣздѣ» кажется намъ удачнѣе той, которую произнесъ Н. Тихоновъ въ «Литературномъ современникѣ», — хотя бы потому, что Фединъ больше «подчиталъ» ради этого случая.

Кромѣ общихъ высказываній публицистическаго, философическаго и литературнаго свойства, совѣтскіе беллетристы пустились въ упражненія, отъ которыхъ наши (за что честь имъ и слава) воздержались: совѣтскіе беллетристы вздумали «запечатлѣть» образъ Пушкина (а иногда — образы почитателей Пушкина) въ созданіяхъ своей творческой фантазіи. И опять: если нельзя читать соотвѣтствующихъ разсказовъ Ген. Гора и В. Тоболякова въ «Литературномъ современникѣ» безъ щемящаго стыда за бездарность авторовъ и за нестерпимо сладкую лживость ихъ «патріотическихъ» писаній, то въ «Звѣздѣ» эти чувства возбуждаетъ только разсказъ Бориса Лаврейева, а разсказъ Марвича «Прогулка въ крѣпость» можно прочесть почти съ удовольствіемъ. Конечно, и Марвичъ тенденціозенъ до крайности, но какая-то граница у него не перейдена, въ разсказѣ есть чувство мѣры. Въ основѣ его лежитъ тотъ фактъ, что въ числѣ пушкинскихъ реликвій, сбереженныхъ кн. П. А. Вяземскимъ въ Остафьевѣ, имѣется таинственный ящичекъ съ пятью щепками. Марвичъ разсказываетъ о томъ, какъ Пушкинъ, въ 1828 г., посѣтилъ съ Вяземскимъ Кронверкскій валъ Петропавловской крѣпости и отъ бревенъ, нѣкогда послужившихъ подножіемъ эшафота, откололъ пять щепокъ въ память пяти казненныхъ декабристовъ.

Особнякомъ стоитъ напечатанный въ «Звѣздѣ» разсказъ М. Зощенки «Талисманъ» — «шестая повѣсть И. П. Бѣлкина», то есть попытка подражать стилю пушкинскихъ повѣстей. Противъ такой попытки принципіально возразить нечего — она можетъ быть даже интересна, какъ опытъ «практическаго изученія». Зощенко свою работу сравниваетъ съ работою живописца, дѣлающаго копію съ картины великаго мастера. Къ сожалѣнію, предисловіе къ повѣсти удалось ему гораздо болѣе, чѣмъ самая повѣсть, нѣкоторыми дѣталями всего болѣе приближающаяся къ «Выстрѣлу». Сюжетъ простроенъ, дѣйствительно, въ пушкинскомъ духѣ — именно въ духѣ «Выстрѣла». Однако, повѣсть перегружена событіями, замельчана деталями, въ ней нѣтъ и слѣда той экономіи, которая въ Пушкинѣ такъ поразительна и которая придаетъ его повѣстямъ ихъ несравненную гармонію. Подражать стилю и языку Пушкина вообще слишкомъ трудно — у Зощенки изъ этого ничего не вышло, — даже до такой степени, что въ «шестой повѣсти И. П. Бѣлкина» встрѣчаемъ мы интонаціи, прямо восходящія къ юмористическимъ разсказамъ Зощенки. Есть, наконецъ, «неувязка», такъ сказать, историческаго характера. Въ подлинномъ пушкинскомъ разсказѣ никакъ не могло быть упоминанія о «традиціяхъ покойнаго государя», то-есть Павла I, и въ числѣ дѣйствующихъ лицъ не могъ появиться великій князь Константинъ Павловичъ. Точно такъ же, герой разсказа, георгіевскій кавалеръ, не могъ называть свою жену кавалерственной дамой — повидимому, Зощенко просто не знаетъ, что значитъ «кавалерственная дама».

Такъ же, какъ въ «Литературномъ современникѣ», есть въ «Звѣздѣ» стихи о Пушкинѣ. Тутъ, пожалуй, «Современникъ» имѣетъ надъ «Звѣздой» нѣкоторый перевѣсъ, сообщаемый стихами покойнаго Эдуарда Багрицкаго. Прочіе авторы (въ «Лит. современникѣ» — И. Оксеновъ, Е. Полонская, В. Азаровъ, Т. Казичева, Л. Гофштейнъ, и Б. Корниловъ, а въ «Звѣздѣ» — В. Саяновъ и тотъ же Корниловъ) въ общемъ стоятъ другъ друга. У Корнилова нѣтъ въ «Звѣздѣ» тѣхъ несуразицъ, которыми, какъ мы уже писали, блеснулъ онъ въ «Литературномъ современникѣ», за то Саяновъ дѣлаетъ такія просодическія ошибки, за которыя Пушкинъ, если бы воскресъ, пожаловалъ бы ему «русскій титулъ».

Безъ кино-сценаріевъ теперь не обходится, кажется, ни одна книжка совѣтскихъ журналовъ. Сценарій «Путешествія въ Арзрумъ», составленный г.г. Блейманомъ и Зильберштейномъ (въ «Звѣздѣ») «просовѣченъ», можно сказать, до отказа, но сдѣланъ болѣе тщательно и грамотно, нежели растрепанный сценарій Виктора Шкловскаго, напечатанный въ «Литературномъ современникѣ».

Что касается спеціальныхъ статей о Пушкинѣ, то здѣсь преимущество на сторонѣ «Литературнаго современника», въ которомъ нѣтъ ничего особенно выдающагося, но есть кое что любопытное. Такова работа М. Эйхенбаума «Пушкинъ и Толстой», статьи Д. Якубовича о Михайловскомъ и Тригорскомъ и А. Дьяконова — о Болдинѣ. «Звѣзда» можетъ имъ противопоставить только благонамѣренную болтовню Мейлаха и Свирина, да блѣдную статью В. Гофмана о языкѣ пушкинской поэзіи. Но матеріалъ этого качества имѣется и въ «Лит. современникѣ». Въ послѣднемъ хотѣлось бы еще отмѣтить дѣльную статью Д. Тальникова о Пушкинѣ въ Художественномъ театрѣ, но она обезображена цитатой, которой мѣсто въ «Панoптикумѣ» «Литературнаго Ленинграда»:

Вода и камень, ледъ и пламень
Не такъ различны межъ собой,

пишетъ Тальниковъ. Это напоминаетъ Пушкина, но такихъ стиховъ у Пушкина нѣтъ.

Гулливеръ.

Е. И. Замятинъ

10 МАРТА, какъ знаютъ читатели «Возрожденія», въ Парижѣ скончался Евгеній Ивановичъ Замятинъ, отличный русскій писатель, котораго въ послѣдніе годы не цѣнили по достоинству. Надо сознаться, что произвести такую оцѣнку было просто невозможно, т. к. Замятинъ сознательно держался въ сторонѣ отъ литературы, такъ же, какъ и въ сторонѣ отъ эмигрантской среды, несмотря на то, что уже пять лѣтъ тому назадъ покинулъ Россію не бѣженцемъ, а подлиннымъ эмигрантомъ по духу. Да и между его произведеніями и общей атмосферой современной литературы существовала какая то несозвучность. Только теперь, когда преждевременная смерть подвела его творчеству трагическій итогъ, можно судить его въ плоскости подлинной русской литературы, въ которой онъ, несомнѣнно, займетъ свое мѣсто.

Впрочемъ, внѣшне Замятинъ всегда былъ въ ней гостемъ, эпизодически навѣщалъ ее, хотя съ юности былъ ей вѣренъ душевно и съ рѣдкимъ упорствомъ работалъ надъ своими произведеніями. Но жизненно, какъ свидѣтельствуетъ и его автобіографія — онъ дѣлилъ свою любовь между литературой и дѣятельностью инженера-кораблестроителя (имъ, въ частности, былъ построенъ ледоколъ «Александръ Невскій»). Поэтому къ активной литературной жизни онъ пришелъ поздно и впослѣдствіи нѣсколько разъ прерывалъ ее: въ 1916 году, во время пребыванія въ Англіи, въ сов. Россіи, гдѣ оказался не къ мѣсту и въ полугласной опалѣ, наконецъ, въ послѣдніе годы — за-границей. Тѣмъ не менѣе, по существу онъ прочно вошелъ въ литературу и даже въ историко-литературномъ отношеніи сыгралъ немаловажную роль: онъ былъ до революціи дѣятельнымъ членомъ той писательской группы, къ которой принадлежали тогда Ремизовъ и Пришвинъ, а позднѣе оказалъ несомнѣнное вліяніе на т. н. «Серапіоновыхъ братьевъ».

Но, конечно, основное его дѣло — собственное его творчество.

Началось оно съ большихъ повѣстей — «Уѣздное», «Островитяне», «На куличкахъ» и другъ. Въ нихъ онъ сразу же показалъ себя прежде всего замѣчательнымъ стилистомъ, не только выработавшимъ свой искусный слогъ, но и органически связаннымъ съ русской языковой стихіей. Это качество оставалось въ немъ всю жизнь: на единственномъ публичномъ вечерѣ, на которомъ онъ выступилъ въ эмиграціи съ прекрасной повѣстью «Наводненіе», слушатели были покорены не только его мастерскимъ чтеніемъ, но, главнымъ образомъ, чистотой и богатствомъ его языка.

Все это богатство, все свое немалое мастерство, Замятинъ отдалъ, однако, на служеніе одной своей темѣ, могущей показаться многимъ слишкомъ «бытовой», но по существу глубоко трагической. Къ разсказамъ Замятина вполнѣ примѣнимы пушкинскія слова о «Мертвыхъ душахъ»: «Боже, какъ грустна наша Россія».

Захолустье уѣздной Россіи, или глухой бытъ Дальняго Востока были пережиты Замятинымъ съ острымъ чувствомъ безвыходной тоски, роднящей его больше всего именно съ гоголевской традиціей. Это — далеко не только бытописаніе, это — постоянная подпольная борьба духа съ бытомъ, глухо звучащая, но явно надвигающаяся на Россію катастрофа. Это чувство неблагополучія въ мірѣ — и, особенно, въ Россіи, ибо Замятинъ былъ глубоко русскимъ человѣкомъ — красной нитью проходитъ черезъ всѣ его произведенія, вплоть до разсказовъ совѣтскаго періода и того же «Наводненія». Особнякомъ стоятъ только «Островитяне», въ сатирическихъ, но сочувственныхъ тонахъ воспроизводящіе жизнь англичанъ.

Позже обратился Замятинъ и къ драмамъ, хотя драматическимъ писателемъ по существу не сталъ никогда. Его нашумѣвшая «Блоха» (передѣлка изъ Лѣскова) — только драматическая стилизація, а въ оригинальныхъ пьесахъ («Какъ исцѣленъ былъ отрокъ Эразмъ», «Огни св. Доминика») гораздо меньше дѣйствія, чѣмъ скрытаго душевнаго стремленія автора.

За умнымъ замятинскимъ скептицизмомъ въ нихъ попрежнему звучитъ все тотъ же сдавленный вздохъ ужаса, который — не сдержи его Замятинъ, научившійся у англичанъ скрывать свои чувства, — вотъ-вотъ, прорвался бы въ крикъ отчаянія. То же отчаяніе сквозитъ и за его ироніей въ утопическомъ романѣ «Мы», знакомомъ намъ лишь по отрывкамъ (цѣликомъ онъ по-русски не появился).

Но, пожалуй, полнѣе всего прозвучала его тема въ сатирическихъ «Сказкахъ». И въ нихъ Замятинъ надѣваетъ маску скептицизма, но и въ нихъ, за причитой усмѣшкой — неподдѣльное отчаяніе. И символомъ замятинскаго воспріятія міра останется для насъ вѣчное томленіе безцѣльно кружащихся херувимовъ, которые въ отвѣтъ на уговоры старушки — посидѣть и отдохнуть — лаконически отвѣчаютъ: «И рады бы посидѣть, да нечѣмъ».

Ю. М.

Новинки иностранной литературы

◉ Въ скоромъ времени выходитъ второй томъ «Дневниковъ» Франсуа Моріака.

◉ Марсель Прево, одинъ изъ старѣйшинъ французской современной литературы, выпустилъ на дняхъ новый романъ «Смерть вязовъ».

◉ Въ апрѣлѣ выходитъ въ свѣтъ новый романъ послѣдняго гонкуровскаго лауреата Максанса ванъ деръ Мерша: «Избранникъ». Одновременно и другой гонкуровскій лауреатъ, Роже Вершель, издаетъ романъ «У ногъ архангела».

◉ Вышло сочиненіе Даніэля Роп'са о современномъ духовномъ кризисѣ: «То, что умираетъ, и то, что рождается».

◉ Во французскомъ переводѣ появился романъ итальянскаго писателя Альберто Моравіа: «Несбывшіяся надежды».

◉ Подъ названіемъ «Драмы коммуны» Маркъ-Андрэ Фабръ опубликовалъ секретные документы, касающіеся военныхъ судовъ 1871 года — послѣ подавленія парижской коммуны.

◉ Поэтъ Оливье Моро-Кера выпустилъ поэму о биржѣ. Поэтическая ея цѣнность очень невелика, но любопытна попытка найти вѣяніе поэзіи въ биржевыхъ операціяхъ.

◉ Въ «Ревю де Де-Мондъ» напечатана статья нашего сотрудника К. Грюнвальда «Женитьба Наполеона на Маріи-Луизѣ», по неизданнымъ историческимъ матеріаламъ.

◉ Во французскомъ переводѣ вышла книга Агнессы Смедли «Красный Китай въ движеніи»; авторъ ея долгое время провелъ въ Китаѣ.

◉ Въ послѣднемъ номерѣ «Нувель Ревю Франсэзъ» напечатана статья В. Сирина о Пушкинѣ съ подзаголовкомъ «Правда и правдоподобіе».

◉ Въ еженедѣльникѣ «Маріанна» напечатанъ разсказъ А. Толстого «День Петра», въ переводѣ Ліона и П. Ставрова.

◉ Андрэ Тардье издаетъ въ скоромъ времени книгу «Счетъ за недѣлю» — сборникъ статей, помѣщенныхъ въ еженедѣльникѣ «Гренгуаръ».

◉ Издательство Грассе выпустило сборникъ избранныхъ сочиненій Жоржа Дюамеля, съ предисловіемъ Жака Бернеса.

◉ Въ издательствѣ Эмиль-Поль появилась антологія разсказовъ о животныхъ, въ которую вошли произведенія Андрэ Демезона, Дюамеля, Доржелеса, Колеттъ, Клода Фаррера, Анри Дювернуа и др.

Вечеръ писателей

Состоявшійся 13 марта въ залѣ Соціальнаго музея вечеръ писателей, устроенный въ пользу Тургеневской библіотеки, прошелъ, какъ и нужно было ожидать, съ большимъ успѣхомъ. Да и какъ могло иначе?

Предсѣдатель Д. М. Одинецъ не даромъ подчеркнулъ ту живую связь, которая соединяла библіотеку съ писателями еще со времени Тургенева. Естественно, что и на сей разъ они приложили всѣ свои старанія, что бы обезпечить вечеру удачу.

Б. К. Зайцевъ читалъ первымъ. Онъ прочелъ отличный разсказъ «Николай Найфоровскій», можетъ быть, вообще, одинъ изъ лучшихъ своихъ разсказовъ. Сквозь привычную зайцевскую прозрачную манеру, въ немъ больше, чѣмъ часто у Зайцева, просвѣчиваетъ скрытая трагичность — особенно въ описаніяхъ сѣвернаго города и окружающихъ его лѣсовъ и въ прелестномъ пейзажѣ.

И. А. Бунинъ прочелъ разсказъ о человѣкѣ, возбудившемъ зависть Гоголя... къ своему жилету. По этой краткой новеллѣ, слушатели могли еще разъ оцѣнить всю изощренность и глубину бунинскаго мастерства. Ничего не значущій эпизодъ, являющійся ея сюжетомъ, далъ Бунину поводъ въ нѣсколькихъ словахъ нарисовать выразительный портретъ одного изъ величайшихъ русскихъ людей.

Читали также Н. А. Тэффи и М. А. Осоргинъ. А. М. Ремизовъ, къ сожалѣнію, отсутствовалъ по болѣзни.

М.

Лу Саломе

Въ возрастѣ 76 лѣтъ скончалась Лу Саломе, авторъ книги «Ницше и его творчество». Какъ извѣстно, Лу Саломе была лично знакома съ нѣмецкимъ философомъ и сыграла въ его жизни немалую и печальную роль: Ницше страстно влюбился въ свою ученицу, которой тогда было двадцать лѣтъ. Вмѣстѣ они совершили путешествіе по Италіи и присутствовали въ Байреутѣ на премьерѣ «Парсифаля». Ихъ разрывъ былъ первымъ ударомъ, повлекшимъ за собою безуміе Ницше.

Позже Лу Саломе была въ дружескихъ отношеніяхъ съ двумя другими знаменитостями: Рильке и Фрейдомъ.

Юрій Мандельштамъ

Загадка Аполлонія Тіанскаго

ИЗВѢСТНЫЙ французскій эллинистъ, авторъ изслѣдованій о Пифагорѣ и Эпиктетѣ, Маріо Менье, занялся нынѣ личностью и загадкой Аполлонія Тіанскаго*). Имя этого малоазійскаго философа — неопифагорійца перваго вѣка по Р. Х. врядъ ли извѣстно многимъ. Тѣмъ интереснѣе попытка Менье освѣтить его жизнь и дѣятельность, воскресить эту своеобразную фигуру. Аполлоній Тіанскій сыгралъ въ свое время огромную роль въ духовной эволюціи древняго міра — правда, роль скорѣе отрицательную. Во всякомъ случаѣ, судьба его и его ученія совсѣмъ не напоминаетъ участь другихъ философовъ и ихъ системъ. Аполлонія Тіанскаго еще при жизни разсматривали какъ учителя духовной мудрости, принесшаго людямъ новое откровеніе. Въ первые вѣка нашей эры его не только сравнивали съ Сократомъ и Пифагоромъ, но даже кощунственно сопоставляли съ Христомъ, а то и противопоставляли Христу. Въ какой то моментъ ореолъ, создавшійся вокругъ дѣяній сирійскаго мудреца, засіялъ даже какъ будто ярче, чѣмъ божественный свѣтъ Іисуса и способствовалъ той языческой реакціи, которой отмѣченъ послѣдній періодъ существованія Римской имперіи.

Трудно, впрочемъ опредѣлить, какова была въ этомъ временномъ замедленіи распространенія христіанства личная роль Аполлонія: точныя фактическія данныя о его жизни очень бѣдны и общи, многое же изъ того, что разсказываютъ объ Аполлоніи если и не вполнѣ вымышлено, то искажено и пріукрашено легендами. На нашу бѣду, самая полная біографія философа, написанная въ III вѣкѣ лежносцемъ Филостратомъ, совершенно чужда какого бы то ни было критическаго подхода, смѣшиваетъ исторію и преданіе повсюду и пользуется всѣми, хотя бы самыми недостовѣрными, данными для прославленія и возвеличенія своего героя. Винить въ этомъ Филострата, впрочемъ, невозможно: фактическія свѣдѣнія объ Аполлоніи онъ могъ черпать только изъ его переписки, тоже, вѣроятно, въ значительной мѣрѣ апокрифической, да изъ сочиненія его ученика Дамиса Ниневійскаго, преслѣдовавшаго цѣли апологическія и пропагандныя. Все же остальное передавалось устнымъ путемъ и здѣсь сдѣлать какой бы то ни было отборъ представлялось въ то время почти неосуществимой задачей. Главное же, надо считаться съ духомъ времени и окруженія, въ которомъ жилъ Филостратъ. Попавъ въ Римъ, ставшій въ то время центромъ культуры, онъ былъ отмѣченъ второй женой Септимія Севера, сирійской уроженкой Юліей Домной, типичной представительницей упадочнаго религіознаго синкретизма. Кругъ передовыхъ римлянъ, въ который сразу же вошелъ Филостратъ, утратилъ цѣльность языческаго міросозерцанія, основаннаго на государственной римской религіи, проникся различными вѣяніями и вѣрованіями, пришедшими съ Востока или изъ Египта. Въ очень смутное пониманіе міра этихъ людей входили въ равной мѣрѣ элементы классическаго язычества, іудейства, христіанства, маздаизма и различныхъ греческихъ и египетскихъ эзотерическихъ ученій. Въ частности, повліяло на нихъ и нео-пифагоріанство, и еще императоръ Каракалла воздвигъ статую Аполлонію у него на родинѣ, въ Тіанѣ. При Северахъ же онъ былъ введенъ почти офиціально въ римскій пантеонъ и его изображеніе сосѣдствовало въ императорскомъ святилищѣ со статуями Христа, Авраама, Орфея и языческихъ боговъ.

Подзаголовокъ книги Менье: «Пребываніе бога среди людей» вполнѣ передаетъ, такимъ образомъ, отношеніе къ Аполлонію римлянъ періода упадка. Его разсматривали или какъ бога, или, по крайней мѣрѣ, какъ чудотворца и носителя божественной мудрости. «Никогда еще не было на землѣ, — пишетъ о немъ историкъ Вопискусъ, — человѣка болѣе святого и мудраго. Онъ воскрешалъ мертвыхъ. Онъ сдѣлалъ много удивительныхъ вещей и сказалъ много глубочайшихъ словъ, какъ можно въ томъ убѣдиться по греческимъ книгамъ». Филостратъ не столь категоричекъ, но и онъ пишетъ не столько историческій трудъ, сколько подробную апологію. Онъ, однако, не думаетъ противопоставлять Аполлонія кому бы то ни было, синкретизмъ его полный, онъ поистинѣ не вѣдаетъ, что творитъ, и служитъ одновременно Богу и Маммонѣ въ полномъ чистосердечіи и наивности. Выводы сдѣлалъ за него его комментаторъ Сосціанъ Гіероклесъ, губернаторъ Нижняго Египта при Діоклетіанѣ и ярый гонитель христіанъ. Гіероклесъ рѣшилъ и философски уничтожить христіанство и впервые противопоставилъ ему ученіе Аполлонія. Въ книгѣ «Другъ правды» онъ даже отрицаетъ значительность чудесъ Христа и утверждаетъ, что Аполлоній совершилъ чудеса куда болѣе убѣдительныя.

Противъ такого толкованія жизни и творчества Аполлонія возсталъ Эвзебій Цезарійскій, призвавшій значительность ученія тіанскаго философа и его личную чистоту, и аскетически мудрую жизнь, но отвергавшій всѣ легенды о его чудесахъ или приписывавшій ихъ демонскимъ искушеніямъ. Другой христіанскій писатель, Арнобій, окончательно принялъ послѣдній взглядъ и вывелъ въ «Отвѣтахъ и вопросахъ вѣрующимъ» Аполлонія, какъ человѣка, постигшаго лишь мудрость черной магіи, вошедшаго въ связь съ дьяволомъ, ставшаго сознательнымъ богоборцемъ и кощунственно пародировавшаго своей жизнью Житіе Христа. Въ цѣломъ рядѣ событій его жизни усматриваетъ онъ такія реминисценціи, обезьяничанье, имѣющее цѣлью развѣнчаніе и карикатуру. Точка зрѣнія Арнобія долгое время раздѣлялась церковными апологетами, даже и послѣ окончательной побѣды христіанства надъ язычествомъ и античными эзотерическими школами.

Гдѣ же во всемъ этомъ правда? Кѣмъ же былъ Аполлоній на самомъ дѣлѣ? Великимъ учителемъ, осѣненнымъ божественнымъ свѣтомъ? Или слугой дьявола? Или просто крупнымъ философомъ, создавшимъ себѣ многихъ послѣдователей и преображеннымъ впослѣдствіи легендой? Постараемся возсоздать его образъ и ученіе его жизни по даннымъ Филострата, воспроизведеннымъ въ книгѣ Менье.

Аполлоній Тіанскій родился въ Малой Азіи, бывшей тогда подъ вліяніемъ эллинистической культуры, въ самомъ началѣ I вѣка. Онъ былъ сыномъ богатыхъ и просвѣщенныхъ родителей. По преданію, его матери было передъ рожденіемъ сына видѣніе, предвѣщавшее ей появленіе на свѣтъ новаго божества. Въ дѣтствѣ и юности Аполлонія не было, однако, ничего сверхчеловѣческаго. Сначала онъ былъ способнымъ отрокомъ, рано преуспѣвшимъ въ греческой мудрости, потомъ красивымъ юношей, промѣнявшимъ соблазны страстей на чистоту и строгость пифагорійскаго ученія. Въ этомъ ученіи наставлялъ его египетскій философъ Эвксеній. Но Аполлоній рѣшилъ примѣнять его въ жизни: онъ отказался отъ любви, отъ вина и мяса, обрекъ себя на длительный искусъ молчаніемъ и пріобрѣлъ много знаній, въ частности — медицинскихъ. Первые его послѣдователи пришли къ нему скорѣе какъ къ врачевателю тѣлесныхъ недуговъ, чѣмъ къ исцѣлителю духовныхъ скорбей. Но онъ даетъ также житейскіе совѣты, предотвращаетъ отъ своихъ согражданъ рядъ грозящихъ имъ несчастій, и у него создается репутація великаго мудреца.

Чтобы закалить и укрѣпить свою мудрость, онъ рѣшаетъ отправиться въ странствія. Въ этихъ странствіяхъ и прошла почти вся его жизнь. Побывалъ онъ и на Востокѣ, и въ Египтѣ, и въ Греціи; дошелъ до Рима и даже до «Геркулесовыхъ столповъ», т. е. до Гибралтара, — однимъ словомъ, изъѣздилъ весь извѣстный въ то время міръ. Но первоначальной цѣлью его путешествія была Индія: индійская мудрость уже и тогда влекла къ себѣ послѣдователей эзотеризма, какъ нынѣ привлекаетъ приверженцевъ теософіи. Судя по бесѣдамъ Аполлонія съ его ученикомъ и спутникомъ Дамисомъ, съ вавилонскимъ царемъ Варданомъ, съ халдейскими и иудусскими мудрецами, онъ и самъ былъ въ которымъ образомъ теософомъ — за много вѣковъ до рожденія этого понятія. Цѣль его духовныхъ исканій — та же, что и цѣль теософіи, т. е. приближеніе къ божеству путемъ раціональнаго познанія скрытыхъ тайнъ міра. Этотъ псевдо-научный, полугностическій путь самъ въ себѣ заключаетъ нѣкое противорѣчіе: тѣмъ не менѣе онъ всегда влекъ къ себѣ многія души видимостью логики и точности пріобрѣтенныхъ знаній. Теософъ любитъ чувствовать подъ ногами почву — пускай не совпадающую ни съ какой реальностью, тогда какъ подлинный религіозный или метафизическій порывъ прежде всего вырываетъ всякую внѣшнюю опору изъ подъ ногъ, погружаетъ человѣка въ бездну, гдѣ теряется привычное понятіе о верхѣ и низѣ. «Христіанство странно» — писалъ Паскаль. Ученіе Аполлонія, какъ и всѣ теософскія ученія, отнюдь не странно, оно не идетъ вразрѣзъ ни съ какими привычными представленіями и даже поражаетъ обиліемъ общихъ мѣстъ и трюизмовъ.

Впрочемъ, у самого Аполлонія были, повидимому, и подлинныя знанія, отнюдь не одни общія мѣста — иначе трудно объяснить успѣхъ его ученія у передовыхъ людей его эпохи. Однако, дошли до насъ, благодаря его комментаторамъ, лишь самыя банальныя сужденія, вдобавокъ ни какъ не способныя подѣйствовать на инакомыслящаго или невѣрующаго: «Душа безсмертна — записываетъ стихами одинъ изъ учениковъ Аполлонія. — Она принадлежитъ не тебѣ, а Провидѣнію. Всегда тѣло погибаетъ, она освобождается отъ оковъ, подобно коню, порвавшему удила, и возносится въ легкомъ воздухѣ, покидая рабство. Это благо ты узнаешь тогда, когда тебя не будетъ». Право, такая мудрость не многое открываетъ искателю истины.

Проникшись въ Индіи ученіями мѣстныхъ мудрецовъ, Аполлоній ѣдетъ въ Грецію, въ Египетъ и на Западъ. Теперь онъ уже самъ учитъ, собираетъ вокругъ себя прозелитовъ, такъ сказать апостоловъ, первый изъ коихъ Дамисъ. Здѣсь начинаются тѣ совпаденія, которыя Арнобій называетъ пародіями на Христа. Достовѣрныхъ свѣдѣній становится все меньше: къ нимъ, повидимому, можно все же причислить его споръ съ египетскими жрецами — такъ сказать, споръ между индусской и египетской философіей — и отношенія Аполлонія съ римскими императорами Веспасіаномъ и Титомъ, которыхъ онъ поддерживалъ въ гуманныхъ начинаніяхъ и осуждалъ, не стѣсняясь никакой критикой, за кровопролитныя войны. Но уже проповѣди Аполлонія кажутся намъ мало достовѣрными и, дѣйствительно, порою передающими въ искаженной формѣ ученіе Христа; намъ думается, что въ этомъ невольная вина Филострата, слишкомъ синкретически воспринявшаго всѣ дошедшія до него философскія и религіозныя вѣянія. Что же касается до чудесъ, приписываемыхъ Аполлонію, то большинство изъ нихъ опровергаются имъ же самимъ: предсказанія бѣдствій, спасеніе отъ нихъ жителей областей, находившихся подъ угрозой, не содержатъ, по словамъ Аполлонія, ничего чудеснаго, а являются результатомъ строгихъ научныхъ предвидѣній — дѣйствительно, предугадать научнымъ путемъ землетрясеніе или наводненіе вполнѣ возможно. Чудо посрамленія корыстной невѣсты, сознавшейся на брачномъ пиру въ своихъ преступныхъ помыслахъ, можно объяснить психологическимъ воздѣйствіемъ; Арнобія смущаетъ «пародія» на Кану Галилейскую, но сближать оба эти событія почти невозможно. Единственное «чудо» Аполлонія, и впрямь смущающее, какъ само по себѣ, такъ и по сходству съ Христовымъ чудомъ — это воскрешеніе умершей дѣвушки. Правда, самъ Филостратъ допускаетъ въ данномъ случаѣ возможность летаргическаго сна, который Аполлоній, будучи врачемъ, могъ отличить отъ смерти.

Послѣдній періодъ его жизни связанъ съ его добровольной явкой къ императору Домиціану, начавшему преслѣдованія философовъ, судомъ надъ нимъ и его таинственнымъ исчезновеніемъ изъ Рима и появленіемъ во плотѣ и костяхъ Дамису и Деметріусу въ Пудуолахъ, на берегу Адріатическаго моря. Во всѣхъ этихъ событіяхъ аналогіи съ Голгофой гораздо легче приходятъ въ голову. Во-первыхъ, Аполлоній самъ принялъ на себя ожидавшіе его страданія. Во-вторыхъ, его исчезновеніе и новое появленіе до какой то степени напоминаютъ смерть и воскресеніе Христовы. Особенно же явны параллели во многихъ словахъ и поступкахъ Аполлонія: наканунѣ его ареста онъ присутствовалъ среди своихъ учениковъ на чемъ то въ родѣ Тайной Вечери; многія его слова на судѣ полны евангельскихъ реминисценцій. Наконецъ, послѣ своего «воскресенія», онъ позволяетъ Деметріусу дотронуться до него рукой, чтобы убѣдиться въ реальности его появленія — абсолютное совпаденіе съ жестомъ Фомы. Въ Олимпіи, гдѣ Аполлоній прожилъ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, параллели множатся — вплоть до Вознесенія, ибо точныя обстоятельства смерти Аполлонія неизвѣстны, и Филостратъ предполагаетъ, что онъ живымъ вошелъ въ пантеонъ боговъ.

Всѣ эти чудеса и совпаденія, по нашему впечатлѣнію, притянуты за волосы и основаны исключительно на легендахъ. Загадка Аполлонія Тіанскаго, такимъ образомъ, рушится: онъ не былъ ни святымъ, ни служителемъ темныхъ силъ. Былъ онъ, повидимому, лишь довольно крупнымъ философомъ — и вдобавокъ съ уклономъ въ теософію. Дверь къ подлинному откровенію была для него закрыта, ореолъ же вокругъ его имени создали его ученики, потомъ римляне эпохи упадка, склонные лучше суевѣрно обожествить человѣка, чѣмъ не воздать должное какому бы то ни было божеству.

Юрій Мандельштамъ.

*) Mario Meunier. Apollonius de Tyane ou le séjour d'un dieu parmi les hommes. Grasset 1937.